

Страничка изъ исторіи бѣлорусскаго духовенства.

Воспоминанія о протоіерее Павлѣ Ивановичѣ Круковскомъ.

Возсоединеніе бѣлорусскихъ униатовъ, совершенное нѣсколькими представителями западно-русской іерархіи, съ митрополитомъ Іосифомъ Сѣмашко во главѣ, опиралось на сочувствіе наиболѣе сознательныхъ элементовъ мѣстнаго духовенства, священниковъ, работавшихъ въ глуши приходовъ надъ этою вѣковою задачей обновленія и возрожденія народности. Имена этихъ скромныхъ тружениковъ большею частью забыты; изрѣдка напоминаютъ о нихъ случайная литературная замѣтка, выноска на страницѣ старой исторической монографіи, подпись подъ пожелтѣвшимъ отъ времени архивнымъ актомъ, а между тѣмъ, въ этихъ незамѣтныхъ людяхъ громче, чѣмъ въ другихъ, говорила народная совѣсть, билось отзывчивое на нужды народа сердце. Они пережили этотъ историческій моментъ, видѣли зарю обновленія забитаго двухвѣковою неволей народа, привѣтствовали возрожденіе народнаго богослуженія на родномъ языкѣ, этого обычнаго провозвѣстника болѣе широкаго умственнаго движенія среди племени, которое скоро получило и родную школу, и доступную ему русскую книгу, стало равноправнымъ членомъ русской народности.

Нѣсколько чертъ изъ жизни скромнаго духовнаго дѣятеля Бѣлорусскаго края представляетъ предлагаемый вниманію читателя очеркъ. Въ немъ читатель не найдетъ полной картины дѣятельности одного изъ піонеровъ духовнаго обновленія Бѣлоруссіи, но и то немногое, что сохранилось отъ забвенья, можетъ быть не лишено интереса съ точки зрѣнія бытовой. Эти мелкія детали пригодны, какъ краски для болѣе широкихъ картинъ прошлаго нашей окраины.

Павель Ивановичъ Круковскій, одинъ изъ старыхъ протоіереевъ, подписавшихъ Полоцкій актъ возсоединенія униатовъ, провелъ послѣдніе годы своей жизни не въ родномъ западномъ уголкѣ Гродненской губерніи, Брестскомъ уѣздѣ, гдѣ прошла большая часть его служебной дѣятельности, а частью на Жмудѣ, гдѣ сынъ его былъ городскимъ приходскимъ священникомъ въ Шавляхъ, частью— послѣднія шесть лѣтъ— въ небольшомъ деревенскомъ приходѣ Дружловичахъ, Пинскаго уѣзда, гдѣ жила его дочь Елизавета, бывшая замужемъ за священникомъ Петромъ Олешкевичемъ. Въ Дружловичахъ Павель Круковскій и умеръ въ началѣ семидесятыхъ годовъ.

Пишущему эти строки внуку Павла Круковского неизвѣстно ничего изъ прежнихъ лѣтъ жизни стараго протоіерея. Въ семейныхъ бумагахъ сохранился лишь аттестатъ Павла Круковского, выданный Виленскимъ университетомъ, и два печатныхъ извѣщенія Географическаго общества съ выраженіемъ благодарности за свѣдѣнія о климатѣ Гродненской губерніи. Не сохранилось переписки протоіерея; объ утратѣ послѣдней слѣдуетъ пожалѣть, такъ какъ Павель Круковскій представлялъ среди мѣстнаго духовенства личность далеко не заурядную, не чуждую духовныхъ интересовъ. Объ этомъ говоритъ подборъ книгъ его библіотеки, довольно большой для того времени. Павель Круковскій принадлежалъ къ тому поколѣнію западно - русскаго духовенства, для котораго была вполне доступна русская книга; польскихъ книгъ осталось отъ него немного, преимущественно богословскаго содержанія. Новинки русской церковно-исторической науки, важнѣйшія произведенія проповѣдничества живо интересовали протоіерея; будучи уже преклоннымъ семидесятилѣтнимъ старикомъ, онъ живо интересовался книгами, посвящая нѣсколько часовъ въ день, преимущественно по вечерамъ, чтенію.

Вообще, утрата переписки людей того отдаленнаго времени унесла съ собой немало цѣнныхъ чертъ быта и жизни. Объ этомъ можно судить по сохранившимся въ семействѣ сына Павла Круковского, Василю, письмамъ бывшаго профессора Петербургской духовной академіи М. О. Кояловича. Письма эти писаны по-польски Василю Круковскому ¹⁾, бывшему школьнымъ товарищемъ Кояловича по Литовской (Жировицкой?) духовной семинаріи. Наиболѣе цѣнны въ нихъ, конечно, взгляды и впечатлѣнія молодого Кояловича, тогда еще студента Петербургской духовной академіи: впечатлѣнія сѣверной столицы, знакомства съ новыми людьми иной, не польской,

¹⁾ Василю Круковскій (1829 — 1896 гг.) умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ протоіереемъ Шавльской церкви.

культуры, широкія перспективы общественной и духовной жизни, сравнительно съ бѣдными духовными интересами захолустной Вильны—представляютъ почву, на которой складываются мало-помалу новые, близкіе къ русской народности, взгляды молодого ученаго. Письма эти писаны за четыре года до появленія наиболее цѣннаго ученаго труда Кояловича „Литовская церковная унія“ (1859 г.). Очевидно, въ душѣ молодого вѢлорусскаго поповича происходила извѣстная работа; наносное, ослѣплявшее провинціаловъ внѣшнимъ блескомъ, вліяніе польской культуры должно было уступить мѣсто инымъ, болѣе глубокимъ, выходящимъ изъ родной, общерусской почвы, теченіямъ. Много мѣста отведено въ письмахъ личной жизни, но струя народности, можетъ быть натолкнувшая Кояловича на его важную не для одной мѣстной исторіи тему, пробивается въ письмахъ довольно явственно. Эту сторону духовнаго развитія молодого историка слѣдуетъ отмѣтить; ею можно объяснить тѣ фазисы его міросозерцанія, которые привели его отъ объективно-историческаго метода къ тѣмъ антиисторическимъ построеніямъ въ его „Исторіи русскаго самосознанія“, малая научная цѣнность которыхъ хорошо выяснена Костомаровымъ въ его рецензіи указанной книги, помѣщенной въ „Вѣстникъ Европы“.

Протоіерей Павелъ Круковскій, не выѣзжавшій никогда за предѣлы родного края, не видѣвшій культурныхъ центровъ выше Вильны, представляетъ личность поучительную въ томъ отношеніи, что слѣды русскаго вліянія отражаются на ней, такъ сказать, яснѣе, благодаря этимъ изолирующимъ элементамъ старопольской культуры, проводимой и Виленскимъ университетомъ и вообще складомъ вѢлорусской жизни до 1863 года, когда польская книга, польская рѣчь, польскіе нравы и обычаи господствовали на всемъ протяженіи ВѢлоруссіи, заглушая тѣ слабые ростки народности, которые подготовили и дали успѣхъ культурной работѣ лучшихъ людей края. У скромныхъ сподвижниковъ великаго западно-русскаго митрополита, очевидно, сильно горѣла искра любви къ родному краю, къ его насущнымъ духовнымъ нуждамъ. Съ этой точки зрѣнія нужно разсматривать и тѣ немногочисленные, но прочные слѣды вліянія русской мысли, которые медленно пролагали себѣ путь въ души этихъ лучшихъ людей ВѢлоруссіи. Не слѣдуетъ забывать, что немало мужества нужно было имѣть въ то отдаленное время, чтобы читать русскую книгу, свободно высказывать свои взгляды въ пользу русской народности. Изъ біографіи Сѣмашко мы знаемъ, какое враждебное отношеніе вызывала въ польскомъ обществѣ самая невинная русская книга въ рукахъ представителя православнаго духовенства. Извѣстно, что многія видныя лица высшаго западно-

русскаго духовенства, на примѣръ, ученый славистъ Бобровскій, были людьми польской культуры, безраздѣльно отдавая ей свои симпатіи, поддерживая вліяніемъ своей личности ея престижъ среди мѣстнаго православнаго духовенства.

Жена Павла Круковскаго на 20 лѣтъ пережила его; она умерла въ началѣ девяностыхъ годовъ, въ возрастѣ 102 лѣтъ. Пишущему эти строки пришлось видѣть тщедушную, но замѣчательно бодрую старушку за четыре года до ея смерти (въ 1887 году). Преклонные годы не убили въ ней ни бодрости, ни живости характера, ни ясности мысли. Въ головѣ Маріи Ивановны Круковской вмѣщался, можно сказать, цѣлый бытовой архивъ старины, которую она бережно хранила. Много живыхъ рассказовъ, весьма цѣнныхъ для подробной біографіи митрополита Іосифа Сѣмашко, унесла въ могилу эта старушка. Митрополитъ Іосифъ любилъ Павла Круковскаго и, при объѣздахъ епархіи, останавливался въ Каменцѣ, гдѣ священствовалъ Павелъ Круковскій, подолгу бесѣдовалъ съ этимъ поборникомъ русскихъ тенденцій, любившимъ и умѣвшимъ говорить, чувствовать и мыслить по-русски. Въ библіотекѣ Павла Круковскаго сохранился печатный экземпляръ рѣчей митрополита Іосифа съ собственноручною надписью автора („доброму служителю православной церкви“). Эта черта вниманія говоритъ о томъ уваженіи, которое представитель мѣстной православной іерархіи питалъ къ одному изъ рядовыхъ тружениковъ. Конечно, со стороны такого свѣтлаго ума и знатока людей, какимъ былъ митрополитъ, это вниманіе было вызвано несомнѣнно качествами ума и характера протоіерея. Изъ семейныхъ рассказовъ сына Павла Круковскаго и его невѣстки обрисовывается симпатичными чертами личность этого старика, наблюдательнаго и умнаго, сдержаннаго и настойчиваго, постояннаго въ своихъ привязанностяхъ и симпатіяхъ. Въ немъ замѣчалась одна особенно цѣнная черта—стремленіе избѣгать всего мелочнаго, всякихъ житейскихъ дразгъ, встрѣчать молчаніемъ попытки унизить въ его глазахъ кого-либо, не только лицо, ему извѣстное, но даже совершенно постороннее. „Не можешь говорить о комъ-нибудь хорошо, лучше молчи; не хули, не унижай человѣка. Этимъ ты унизишь только самого себя“, нерѣдко говаривалъ онъ по поводу даже невинныхъ пересудовъ, столь обычныхъ въ уѣздной жизни.

Конечно, этотъ сдержанный человѣкъ, въ глухомъ захолустьи передумавшій не одну крѣпкую думу, шедшій навстрѣчу новой жизни, сблизившійся съ русскимъ общественнымъ и художественнымъ словомъ, долженъ былъ въ извѣстной степени импонировать тѣмъ, что было въ немъ честнаго, свѣтлаго и живого. Это обна-

руживалось въ бесѣдахъ съ тѣми умными выходцами изъ русскихъ губерній, которые для пытливаго туземца являлись живыми голосами коренной, могучей и широкой народности. Многое въ жизни Велико-россиі должно было плѣнять стараго протоіерея: и болѣе интенсивный ростъ духовныхъ интересовъ, и симпатичныя, открытыя черты народной личности, и роль духовенства, высокая и важная по идеѣ. Все, что дѣлаетъ симпатичными проявленія русскаго духа, раскрывалось передъ глазами вдумчиваго и умнаго протоіерея. Особенно любилъ онъ бесѣдовать съ Вадимомъ Денисовичемъ Давыдовымъ, сыномъ поэта-партизана двѣнадцатаго года. Вадимъ Давыдовъ занималъ мѣсто начальника штаба дивизіи, расположенной въ Шавельскомъ уѣздѣ по случаю польской смуты 1863 года. Образованный и умный офицеръ, происходившій изъ кореннаго русскаго рода, могъ сообщить протоіерею много интереснаго, между прочимъ изъ области умственнаго движенія, охватившаго тогда русское общество. Чутко прислушивался старикъ къ новымъ рѣчамъ, угадывалъ въ нихъ то, къ чему онъ и его земляки стремились въ теченіе долгихъ лѣтъ, настойчиво преодолевая и косность среды и тѣ препятствія, которыя ставила дѣлу возрожденія народности чуждая культура.

Тѣ же мысли развивалъ онъ въ бесѣдахъ съ своимъ сыномъ, молодымъ священникомъ. Старый протоіерей стоялъ за духовные интересы этой бѣдной паствы; замѣняя сына въ разѣздахъ по приходу—сынъ былъ и законоучителемъ гимназіи—онъ имѣлъ возможность познакомиться съ положеніемъ этихъ заброшенныхъ на далекую окраину русскихъ людей, бѣдныхъ поселенцевъ, лишенныхъ той опоры, которую даетъ простому человѣку сознаніе племеннаго единства, житейская сплоченность, живое преданіе старины. Много горькихъ думъ, тяжелыхъ впечатлѣній выносилъ отзывчивый старикъ изъ этихъ случайныхъ поѣздокъ и дѣлился ими съ близкими людьми, горько сѣтуя на малое вниманіе къ нуждамъ бѣднаго люда.

Въ послѣдніе годы жизни стараго протоіерея тянуло на родину, на старыя мѣста, въ родную БѢлоруссію. Онъ хотѣлъ провести послѣдніе годы въ той обстановкѣ, среди которой прошло лучшее время его жизни, хотѣлъ сложить старыя кости въ землѣ отцовъ. Извѣстіе о смерти митрополита Іосифа Сѣмашко глубоко поразило и опечалило старика. Въ бѢлорусскомъ архипастырѣ старый протоіерей чтилъ духовнаго вождя своего племени; онъ понималъ, какъ важны для неустроеннаго, призваннаго къ новой жизни края нѣсколько лишнихъ лѣтъ разумной, проникнутой глубокой любовью къ родному народу дѣятельности. Для мѣстнаго духовенства, руководимаго просвѣщеннымъ іерархомъ, открывалось широкое поле

плодотворной работы. „Безъ него, съ тоскою говорилъ старый протоіерей, не подыметя къ новой жизни нашъ край! Не будетъ уже въ БѢлоруссіи такого митрополита; никто не направитъ новое поколѣніе духовенства къ завѣтамъ вѣчной правды, никто не вдохнетъ живой вѣры въ святое дѣло народнаго обновленія...“

Прошло около сорока лѣтъ, и слова стараго протоіерея оказались пророческими.

Адр. Круковскій.

